Мертвый ангел

«Марлен Дитрих: я русская душой»

Коммерсантъ – 2004 – 17 нояб. – с. 21

выставка КИНО

Завтра в московской галерее «На Солянке» открывается мультимедийная выставка «Марлен Дитрих: я русская душой», привезенная из Германии в рамках культурных программ года Германии в России и уже экспонировавшаяся в Самаре и Тольятти. Комментирует МИХАИЛ ТРОФИМЕНКОВ.

40 лет спустя после знаменитого концерта 1964 года Марлен Дитрих снова в Москве — на галерейной выставке ФОТО AP

Полсотни фотографий, ворох статей, документальные фильмы о Марлен Дитрих (1901–1992), шедевры Джозефа фон Штернберга и Билли Уайлдера с ее участием, песни в ее исполнении — масштабная, но по определению ритуальная, обреченная на неудачу попытка уловить неуловимое, придать одному из главных мифов XX века плоть и кровь. Обреченность любой реконструкции своей жизни исчерпывающе выразила сама Марлен: «Когда ты мертв, ты мертв. Вот и все».

Но мир категорически не согласен с этим безапелляционным «вот и все». Дитрих еще жива, не желает никого видеть — мир в лице ее друга, актера и режиссера Максимилиана Шелла ломится в дверь ее парижской квартиры: единственное, на что согласна Марлен,— это позволить записать для фильма свой голос. Дитрих на пороге смерти — мир в лице ее дочери Марии Ривы выбрасывает на рынок скандальную биографию, в которой и красота, и ум, и талант матери подвергаются полной ревизии: она предстает неопрятной, глупой, похотливой, уродливой алкоголичкой. Ответ Дитрих — смерть, в которой пытаются разглядеть то ли самоубийство, то ли эвтаназию, совершенную преданной секретаршей. Не может же миф умереть вот так — просто от инсульта.

На просторах бывшего СССР игры с мифом, как водится, окрашиваются в тона местечкового сюрреализма. То на киевской барахолке за $20 энтузиаст приобретает чемодан, якобы помыленный у звезды в 1945 году советскими солдатами, то всерьез обсуждается, был ли у нее роман с летчиком Валерием Чкаловым, с которым она как-то раз оказалась на одном пароходе.

Между тем загадку Марлен разрушить невозможно, поскольку ее не сформулировать. Любой, самый щепетильный портрет Дитрих похож на перечень деталей конструктора, из которых надо собрать суперженщину, секс-символ XX века, образцовую femme fatale. Отдельно — высокие скулы, казавшиеся продюсерам 1920-х годов слишком плебейскими. Тяжелые веки. Легендарные ноги, о которых она отзывалась раздраженно: «Мои ноги, вечно мои ноги. По мне, они нужны только для того, чтобы я могла ходить». Приложение — хриплый голос солдатской девки.

К конструктору прилагается список любимых блюд (хот-доги и шампанское), любовников и любовниц. От Эрнста Хемингуэя, Жана Габена, трех представителей клана Кеннеди и Эриха Марии Ремарка до сценаристки Мерседес де Акоста, Эдит Пиаф и, страшно подумать, самой Греты Гарбо. Да, Марлен Дитрих была первой кинозвездой, бесстыдно целовавшей на экране женщину в «Марокко» (Могосco, 1930) Штернберга, щеголявшей в мужском костюме, но ее бисексуальность не несла в себе никакого вызова, никакого культурного кода: любить и наслаждаться любовью независимо от пола партнера казалось для Марлен чем-то совершенно естественным. Она не кокетничала, когда в своей первой звездной роли певички Лолы-Лолы из «Голубого ангела» (Der Blau Engel, 1930) Штернберга пела: «Я вся — любовь, от головы до пят».

Отдельная песня — гардероб Дитрих: в массовом сознании она превратилась почти в Барби, которую можно переодеть то в цилиндр с моноклем, то в американскую военную форму, в которой она исполняла перед джи-ай песенку о Лили Марлен, заимствованную из стана противника. И правда, кажется, что на фронт Дитрих отправилась вовсе не из антифашистских побуждений, а потому, что оценила сексуальность униформы. Если бы карта легла подругому, если бы превративший ее в голливудскую звезду Штернберг не был евреем, возможно, Дитрих стала бы фетишем Третьего рейха, фюрер которого был без ума от нее. Разделилась же другая легендарная пара веймарского кинематографа. Великому режиссеру Фрицу Лангу Геббельс предложил возглавить киноиндустрию — он в ту же ночь пересек швейцарскую границу, а его жена, не менее великая сценаристка Теа фон Гарбоу осталась режиссировать нацистские парады.

Вынесенные в название выставки слова, сказанные Дитрих во время ее единственного концерта в Москве в 1964 году, следует списать на эмоции. У кавалера американской медали Свободы и ордена Почетного легиона, почетной (посмертно) гражданки Берлина, освиставшего ее в 1960 году за «предательство», женщины, именем которой названа площадь в Париже, где она завершала свой век в трагическом затворничестве, нет национальности, как нет и пола. Она сама объяснила свою суть в «Марокко»: «У нас, у женщин, есть свой иностранный легион, своя банда апатридов, добровольных изгнанников, людей без имени и биографии». Одна из последних и самых выразительных ее ролей — появление в крохотной роли цыганки в «Печати зла» (Touch of Evil, 1958) Орсона Уэллса, одинокой, всезнающей, безразличной к добру и злу гадалки. И наверное, сама Марлен Дитрих хотела бы, чтобы к ней после смерти относились с таким же мудрым безразличием.